

В 1954 г. о нищенстве впервые заговорили публично, и впервые после 30-летнего перерыва занялись изучением этого феномена на государственном уровне. В 1960-х гг. нищенство в СССР перестало быть массовым явлением и существовало только в виде профессионального промысла и в незначительных масштабах. Оно возродилось вместе с крахом советского проекта. Уже одно это обстоятельство делает изучение советского опыта решения проблемы нищенства отнюдь не бесполезным.

Е.Ю. Зубкова,
доктор исторических наук
(Институт российской истории РАН)

Примечание

¹ Исследование практик включения/исключения «чужих и бедных» на примере различных стран Европы проводилось в рамках большого международного проекта университета г. Трир (Германия). Результаты «трирского проекта» представлены в целом ряде публикаций: *Althammer B.* (Hrsg.). *Bettler in der europäischen Stadt der Moderne. Zwischen Barmherzigkeit, Repression und Sozialreform.* Frankfurt am Main [u.a.], 2007; *Gestrich A., Raphael L.* (Hrsg.) *Inklusion/Exklusion Studien zu Fremdheit und Armut von der Antike bis zur Gegenwart.* Frankfurt am Main [u.a.], 2004; *Raphael L., Uerlings H.* (Hrsg.). *Zwischen Ausschluss und Solidarität. Modi der Inklusion/Exklusion von Fremden und Armen in Europa seit der Spätantike.* Frankfurt am Main [u.a.], 2004.

Ю.А. Тихонов. Мир вещей в московских и петербургских домах сановного дворянства (по новым источникам первой половины XVIII в.). Изд. 2, испр. и доп. М.: Кучково поле, 2011. 400 с., ил.

Повседневная жизнь российского дворянства до сих пор остается малоизученной проблемой, между тем ее исследование дает ключ к ответам на многие вопросы, касающиеся менталитета высшего сословия. По словам академика Ю.А. Полякова, «двуединая задача историка – показать человека и обстановку»¹. Именно такую цель преследовал автор рецензируемой книги Ю.А. Тихонов, подробно отобразив сложившийся быт, т.е. сплав материального и духовного, прежде всего мир вещей представителей отечественной элиты конца XVII – первой половины XVIII в., характеризуя его как неотъемлемый компонент культуры того времени.

Рассуждая о научной проблеме «вещь в культуре», академик А.М. Панченко писал, что предметы быта испытывают «воздействие историко-культурных процессов» и в какой-то мере участвуют в них². И действительно, об этом взаимовлиянии культуры и быта наглядно свидетельствуют описания жилищ и имущества в городских усадьбах боярина В.В. Голицына (1689 г.), адмиралтейств-советника А.В. Кикина (1718 г.), сибирского губернатора кн. М.П. Гагарина (1721 г.), членов Верховного тайного совета: князей А.Г. и В.Л. Долгоруковых (1730 г.), кн. В.В. Долгорукова (1731–1732 гг.), кн. Д.М. Голицына (1737 г.); кабинет-министров: А.П. Вольнского (1740 г.), гр. А.И. Остермана (1741–1742 гг.), гр. М.Г. Головкина (1741–1742 гг.); опального генерал-адъютанта С.В. Лопухина (1754 г.) и других сановников, их жен и детей (с. 291).

Присоединяясь к высказанному в литературе мнению о том, что проблема мира вещей органически входит в широкое понятие «повседневная жизнь», автор уделяет внимание приказным и дворцовым людям, обслуживавшим городскую усадьбу, а также состоятельности владельцев, тративших немалые денежные средства на возведение построек и закупку продовольственных товаров. Им определены долговые обязательства сановников, многие из которых надолго затягивали выплату денег кредиторам из дворян, ремесленников и купцов.

Столкнувшись с тем, что число введенных в научный оборот источников, раскрывающих образ жизни, пристрастия, уровень образования, доходы и расходы обитателей «дворянских гнезд», крайне невелико, исследователь поставил задачу выявить новые материалы, описывающие усадьбы как жилые комплексы, включая все, что в них находилось. «Кладзем» таких документов оказались хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) описи конфискованного имущества арестованных и преданных суду высших сановников. Этот особый пласт материалов, который лег в основу книги, подробно характеризуется автором в главе «Источники». Тихонов установил, что наряду с судебными органами создавались отдельные следственные комиссии, которые осуществляли выявление и описание имущества в городских домах обвиняемых.

Так, когда в 1727 г. вследствие интриг окружения Петра II был арестован

кн. А.Д. Меншиков, стало ясно, что для описания всего его имущества не обойтись без специальных комиссий. У светлейшего князя было пять жилых домов в Москве, однако основная резиденция, затмевавшая по роскоши все остальные в стране, в том числе и монаршие, находилась в Петербурге, на Васильевском острове с собственной пристанью на Неве. Именно там Петр I устраивал приемы, отмечал государственные и семейные праздники, отчасти из-за этого мирясь с казнокрадством своего любимца. Владения самого богатого человека в империи отличались не только пышностью, но и лучшей в столице кухней, огромным количеством иноземных слуг, прекрасным оркестром. Однако описания мира вещей этого дворца (как и особняков в Кронштадте, Ораниенбауме, Копорье, Нарве и проч.), к сожалению, не обнаружены (с. 22–28).

Создавали подобные комиссии и в дальнейшем – политическая борьба в 1727–1743 гг. заканчивалась расправой над терпевшими поражение группировками. Она сопровождалась конфискацией, передачей в казну или царским приближенным принадлежавших опальным сановникам земельных наделов и имущества или распродажей последнего с торгов, чем и ведали упомянутые органы, состоявшие в основном из преданных престолу офицеров-гвардейцев, чиновников, канцеляристов, а также торговых людей, реализующих изъятые вещи на аукционах. Однако после 1743 г. от этих комиссий отказались. По мнению автора, это объяснялось тем, что значительная доля движимого имущества гонимых вельмож оставалась в собственности супругов, детей, наследников и ближайших родственников.

Городские усадьбы сановников располагались в самых престижных районах обеих столиц: в Петербурге – на Адмиралтейской стороне у Невы, на набережной Мойки, на Васильевском острове, в Москве – на Тверской, Никитской, Сретенской, Знаменской улицах, в Немецкой слободе, у Мясницких ворот и т.д. Правда, в исследованных автором документах не зафиксирован внешний вид жилищ вельмож, указан лишь материал строения (кирпич или дерево) и число этажей. В первой половине XVIII в. у столичной знати сформировалось представление о том, каким должен быть городской дом: непременно каменное, двух- или трехэтажное сооружение с представительными палатами (залом), кабинетом хозяина, спальнями, детскими комнатами и т.д. Помещения первого этажа имели своды, второго и третьего – накатные потолки (из хорошо подогнанных бревен) «со штукатурной работой» (в московском особняке А.П. Волынского на них были написаны 48 картин). Стены

декорировались дубовыми панелями или обоями, в том числе атласными или парчовыми китайскими, штофными немецкими, полотняными итальянскими, украшались иконами (в основном греческими), зеркалами, картинами и гравюрами. Покои отапливались печами, выложенными нарядными цветными поливными изразцами, производство которых с 1740-х гг. было широко поставлено на гончарных дворах при петербургских кирпичных заводах и в московских мастерских. Кроме того, в самом жилом здании или во дворе устраивали хозяйственные помещения: поварню, хлебный амбар, конюшню, кузницу, каретный сарай, погреба, ледник и пр. (с. 195–197).

Значительное место в книге занимают обширные переписи находившегося в усадьбах имущества (необходимые, по мнению автора, поскольку речь шла о том, что окружало человека в повседневной жизни и требовало комментариев), каждой из которых предшествует краткая биография владельца. Поражают разнообразие и богатство мира вещей российской элиты, не жалевшей средств для их приобретения, причем чаще всего отдававшей предпочтение работам иностранных мастеров (английских, немецких, французских, турецких, иранских, китайских и др.). Многие из того, что попало при конфискации в царскую казну, можно сейчас увидеть в музеях Московского Кремля и Эрмитаже, судьба же остальных раритетов, к сожалению, неизвестна.

Тихонов расположил вещи по 15 группам (домашняя утварь и предметы обихода, посуда, одежда, обувь, ткани, мех, мебель, кровати и принадлежности к ним, предметы религиозного культа, произведения изобразительного и прикладного искусства, учебно-научные предметы, музыкальные инструменты, оружие и амуниция, средства передвижения, конский убор). Он ввел для их классификации понятия «вид вещи» и ее «подвид» («разновидность»), с указанием назначения или названия по материалу, внешних особенностей, места изготовления (город, страна) и т.д. Оказалось 925 видов и 3 025 разновидностей (с. 310).

В перечень не входят монеты, медали, декоративное оружие и амуниция, книги и т.п. – все, что отнесено автором к области собирательства и перечислено отдельно. Так, у гр. Головкина насчитывалось 80 икон (написанных не только на дереве, но и на тафте, холсте, стекле, финифти, резной кости), в том числе в золотых, серебряных, медных окладах, 6 крестов серебряных и деревянных, складни, в частности кипарисовые, оправленные серебром, а также книги: 33 богослужебные, 20 певческих, более 250 светского содержания (с. 241). У Ю.В. Долгорукова реквизиру-

ли 81 образ, некоторые из них – в окладах с жемчугом и драгоценными камнями, золотые панагия и крест (с. 182); у Кикина – 45 икон (26 из них в серебряных окладах), 1 золотой, 8 серебряных, 2 кипарисовых, 3 янтарных, 1 яшмовый, 2 алмазных креста, Евангелие в красном бархатном переплете, украшенное позолотой, Библию, Псалтырь и проч. (с. 85); у Д.М. Голицына – 40 икон в позолоченных и серебряных окладах с финифтью (с. 190) и многое другое.

Серьезный характер в тот период уже носили фалеристика и нумизматика: начиная с 1730 г. переписчики фиксировали наличие больших коллекций у Голицына, Долгоруковых, Остермана, Лопухина, Головкина, Волынского, П.И. Мусина-Пушкина (собрания у троих последних поразили составителей описей имущества обширностью и разнообразием). Так, у Головкина, среди прочего, изъяли знаки ордена Андрея Первозванного, 35 звезд кавалерских (в том числе 2 ордена Александра Невского), 8 золотых медалей (в том числе по случаю заключения мира со Швецией 1721 г. и с Турцией в 1739 г., на погребение Петра Великого, на коронавание Екатерины Алексеевны, Петра II и Анны Иоанновны), а также 100 серебряных (с. 233). Волынскому же принадлежало 135 золотых монет XV–XVII вв. (Священной Римской империи, Испании, Голландии, Англии, Польши и т.д.) и 376 серебряных (с. 208), Мусину-Пушкину – соответственно, 191 и 71 (с. 208–209). Впечатляюще выглядел и перечень 149 серебряных монет азиатских государств, конфискованных у Остермана (с. 222).

С большим увлечением в ту пору собирали и оружие, особенно старинное. У В.Л. Долгорукова обнаружили 12 медных пушек, одну чугунную, 3 мортиры, 2 датских фузеи и 3 турецких пищали, оправленные серебром, 2 немецких штуцера и 3 французских пищали, оправленные медью, одну позолоченную пищаль работы тульских мастеров, 5 персидских пищалей, 8 пар пистолетов, 5 штыков грановитых старинных, 2 палаша, 2 серебряные с позолотой французские шпаги, 11 сабель, оправленных серебром, 2 копыя булатных и т.д. (с. 119–121). У Головкина – 7 пушек, 2 мортиры, 16 пар пистолетов, 20 фузей, 2 пищали, 30 ружей. Отдельного упоминания заслуживает его коллекция холодного оружия: 25 шпаг, в том числе с серебряными эфесами, палаш (с роговой посеребренной рукояткой), 8 кортиков (эфесы позолоченные, один «со львовой головкой»), трость с клинком в медной оправе, 10 бердышей, 3 меча, 14 сабель с серебряными позолоченными оправами, украшенными яхон-

тами, бирюзой, яшмой, изумрудами, и многое другое (с. 242–243).

Специальные разделы в описях имущества подвергнувшихся опале вельмож составляли драгоценные камни и золото. Например, у Кикина изъяли 42 изумруда, 115 алмазов, 35 яхонтов, ящик с янтарем, 16 золотых и серебряных перстней (некоторые с алмазами, изумрудами, яхонтами), печать, вырезанную в изумруде, 22 золотые запонки (с. 84), у Волынского – яхонты, изумруды, жемчуг, 22 перстня, старинные золотые с бриллиантами серьги, 7 золотых табакерок и одну сердоликовую, оправленную серебром (с. 197). Нередко владельцы пытались скрыть ценные вещи от переписчиков: так, дочери арестованного Волынского попытались утаить ларец с 17 бриллиантами, 13 крупными жемчужинами, 6 яхонтами и проч., а также изделия из золота – 118 монет, 3 кольца, перстень и др., но были выданы прислугой (с. 206–207).

Появившиеся в то время первые личные библиотеки, включавшие, наряду с церковными книгами, произведения художественной литературы на французском и немецком языках, – важный показатель духовных запросов дворянской верхушки. Книжное собрание славившегося ученостью кн. Д.М. Голицына в его подмосковной усадьбе «Архангельское» насчитывало около 6 тыс. томов, среди которых были сочинения Н. Макиавелли и итальянского поэта конца XVI – начала XVII в. Т. Боккалини. Как сетовал историк, географ, экономист В.Н. Татищев (1686–1750), многое оттуда, самое редкое и древнее, было расхищено при описании (с. 188).

Наличие в апартаментах помещений разного назначения вело к расширению спектра образцов мебели. Так, у Лопухина реквизировали 14 столов, 8 кабинетов из дуба, ореха, красного дерева, 5 кроватей, 12 кресел с резьбой и проч. (с. 262). Такие изделия заказывали у столяров и резчиков российских государственных учреждений (Адмиралтейства, Канцелярии от строений и проч.), а также привозили из-за рубежа. Большой частью они были из резного и вошеного ореха или дуба, но не составляли ансамбль: отечественная мебель соседствовала с английской, немецкой, французской, голландской, усиливался и приток китайских изделий. Особой популярностью у вельмож пользовались столики, табуреты, кресла, ларцы, шкафчики для бумаг и драгоценностей, расписанные золотом по черному лаку.

Второе издание книги дополнено описаниями московских домов сибирского губернатора, известного казнокрада, кн. Гагарина (1721 г.) и стат-дамы Е.И. Нарышкиной (1746–1747 гг.).

Добавлен также «Перечень» вещей в городских усадьбах Москвы и Петербурга (14 и 7 домов соответственно) по их группам, видам и разновидностям, существенно облегчающий поиск отдельных предметов среди их многотысячной массы. В доме кн. Гагарина было немало вещей из Китая, в том числе счеты, изображения на листах, столики чайные и конские седла; особенно впечатляет количество китайской фарфоровой посуды (950 предметов). Если обычно вещевые описи составлялись особыми следственными комиссиями в домах опальных владельцев, то описи московской усадьбы Нарышкиной появились после ее брака с гр. Кириллом Григорьевичем Разумовским. Видимо, по просьбе его брата Алексея Елизавета Петровна распорядилась за казенный счет переписать, оценить и перевезти в Петербург вещи Нарышкиной общей стоимостью более 10 тыс. руб. (среди них мебель, посуда, одежда, ткани, инструменты для научных и учебных занятий).

Следует особо отметить, что рецензируемая книга выдвигает перед исследователями весьма актуальную задачу – показать мир вещей в домах иностранцев, занимавших важные придворные и государственные должности (Э.И. Бирон, Р.Г. Левенвольде, К.Л. Менгден, Б.Х. Миних). Их описания включены в обширное дело, хранящееся в РГАДА (ф. 6). Думается, это внесет лепту в дискуссии о роли иностранцев («немцев») в царствование Анны Иоанновны и позволит ярче высветить их место среди русской аристократии. Так, Е.В. Анисимов выступает против «историографических штампов» о преобладании во время «бионовщины» иностранцев среди высшего состава российской бюрократии, сомневается в существовании при дворе Анны Иоанновны «немецкой партии» и ее роли в «разграблении богатств» страны³. И.В. Курукин считает, что Бирон сумел превратить придворную должность обер-камергера «в высший государственный пост», а в армии иностранцев было сравнительно немного. «Немецкое» правительство, по его мнению, «не стремилось ослабить русскую промышленность или подчинить ее иностранцам», поскольку государственный аппарат оставался, как и прежде, главным контролером, покупателем и заказчиком промышленной продукции. В итоге автор приходит к не вполне ясному выводу, что «Россия “пере-

болела немцами”»⁴. Иной взгляд на проблему высказал Н.И. Павленко: «Бироновщина – понятие собирательное, это весь комплекс событий царствования Анны Иоанновны», включая «сосредоточение верховной власти в руках горстки немцев, покровительство им императрицы... грабеж казны». Простой люд страдал «от беспощадных выколачиваний подати и рекрутских поборов», «немецкое засилье» олицетворялось Бироном, в руках которого императрица «стала марионеткой, подчинявшейся его воле и безоговорочно выполнявшей его прихоти»⁵.

Таким образом, при Петре I в России сложилась всеобъемлющая система бюрократического правления во главе с императором и дворянской аристократией. Мир вещей позволяет судить о цивилизационном уровне домов высшей бюрократии в первой половине XVIII в., который был недоступен для остального дворянства. При этом пропасть между элитой и другими социальными слоями принимала такой очевидный характер, что можно говорить об ее особом образе жизни.

В заключение отмечу, что рецензируемое издание содержит около 80 иллюстраций и солидный справочный аппарат: именной и географический указатели, понятийный словарь и перечень вещей в городских усадьбах. Являясь своеобразной энциклопедией московского и петербургского сановного дворянства первой половины XVIII в., книга Ю.А. Тихонова будет полезна для специалистов и привлечет внимание всех интересующихся отечественной историей.

С.Н. Базанов,
доктор исторических наук
(Институт российской истории РАН)

Примечания

¹ Поляков Ю.А. Историческая наука: люди и проблемы. Кн. 2. М., 2004. С. 116, 121, 132.

² Кирсанова Р.М. Костюм в русской художественной культуре XVIII – первой половине XX вв. М., 1995. С. 5.

³ Анисимов Е.В. Анна Иоанновна. М., 2002. С. 283–310.

⁴ Курукин И.В. Бирон. М., 2006. С. 96, 110, 130, 138, 217, 268, 403, 406.

⁵ Павленко Н.И. Анна Иоанновна. Немцы при дворе. М., 2002. С. 103, 106, 113, 123–127, 200–201, 359, 369.